

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

К истории журнала «Советская этнография»

Глубоко уважаю К.В. Чистова как ученого и организатора науки. Поэтому огорчился, ознакомившись с его репликой к моей статье «Академик Ю.В. Бромлей и журнал „Советская этнография“» [Чистов 2004: 356–357]. Не могу оставить эту реплику без ответа, так как в ней затронуты некоторые принципиальные вопросы истории журнала.

В 1966–1980 гг. «Советскую этнографию» возглавляла Ю.П. Петрова-Аверкиева, а я был одним из двух ее заместителей, отвечавшим за подготовку статей и других материалов по народам зарубежных стран и по общей этнографии, включая организацию дискуссий. В 1973 г., при частичной ротации, в состав редколлегии журнала был введен К.В. Чистов. После смерти Юлии Павловны в 1980 г. Кирилл Васильевич был назначен главным редактором и занимал этот пост до 1991 г.

Автора реплики задело содержащееся, как ему показалось, в моей статье утверждение, что с его приходом к руководству журналом «ничего не изменилось». В подтверждение К.В. Чистов приводит усеченную и препарированную им цитату из моей статьи, согласно которой в деятельности журнала «на протяжении 1980-х годов и до

начала драматических проявлений глубокого системного кризиса, охватившего советское общество и государственные структуры, **ничего не изменилось**» [Чистов 2004: 357. Выделено мною. — Д.Т.]. Но вот что написано в статье в действительности: *«Я остался членом значительно обновленной редколлегии, но больше не оказывал существенного влияния на редакционную политику, на формирование облика журнала. Впрочем, его курс серьезно не менялся на протяжении 1980-х годов, до начала драматических проявлений глубокого системного кризиса, охватившего советское общество и государственные структуры»* [Тумаркин 2003: 219. Выделено мною. — Д.Т.]. Непонятно, как мог многоопытный и добросовестный исследователь так «отредактировать» эту цитату.

Между тем после прихода Кирилла Васильевича к руководству «Советской этнографией» курс журнала действительно не претерпел серьезных изменений. Об этом неопровержимо свидетельствует содержание «Советской этнографии» за 1981–1986 гг. Ограничусь несколькими примерами. В 1983 г. появились две большие статьи, посвященные 50-летию Института этнографии АН СССР [Чистов 1983; Бромлей и Чистов 1983], которые при всей их информативности страдали известной неполнотой, односторонностью и парадностью, характерными для аналогичных публикаций предыдущих десятилетий. Невероятно, но факт: в обеих статьях не было сказано ни слова о репрессиях, которым подвергся ряд сотрудников Института, включая его первого директора Н.М. Маторина, хотя невинно пострадавшие коллеги были к тому времени официально реабилитированы. В 1986 г. в журнале была напечатана статья К.В. Чистова «В.И. Ленин и проблема периодизации истории русского фольклора» [Чистов, 1986], основанная, в старых советских традициях, на толковании ленинских концепций и его отдельных высказываний. Как и раньше, в передовых статьях подробно излагались, комментировались и принимались к неуклонному руководству и исполнению решения партийных съездов и постановления ЦК КПСС (1981, № 3; 1982, № 4; 1986, № 4).

Лишь в разгар горбачевской «перестройки», которая на существо была попыткой преодолеть нараставший системный кризис советского общества, проявлявшийся, в частности, в резком обострении межнациональных отношений (беспорядки в Алма-Ате, начало вооруженного конфликта из-за Нагорного Карабаха, резня в Фергане и др.), в курсе журнала наметились некоторые перемены. Постепенная радикализация позиции журнала показана мной на примере статей Ю.В. Бромлея, опубликованных там в 1987–1990 гг. [Тумаркин 2003: 223].

К сожалению, вырваны из контекста и превратно истолкованы слова о том, что между мной и главным редактором *«установились равные дружеские отношения, основанные на взаимном уважении, но несколько ограниченные всегдашней сдержанностью, а порой и некоей отстраненностью Юлии Павловны, по-видимому, вследствие перенесенных ею страданий»* [Тумаркин 2003: 213]. Автор реплики утверждает, что именно «сдержанностью», которую он почему-то уподобляет «опасливости» («„сдержанность“, т.е. опасливость») характеризовалась *«общая линия деятельности Аверкиевой»* [Чистов 2004: 356–357].

В действительности Юлия Павловна придерживалась ортодоксальных марксистских взглядов, которых не поколебали годы, проведенные ею в тюрьме, лагере и сибирской ссылке. Не «опасливость», а идейно-теоретические убеждения, как бы к ним сегодня ни относиться, в сочетании с суровым жизненным опытом определяли позиции этой мужественной, хоть и хрупкой на вид женщины в науке и руководстве журналом [Нитобург 2003: 415–416, 421–422]. И тут нужно отдать должное Юлии Павловне, которая, сохраняя верность концепции первобытности Моргана-Энгельса, не препятствовала критическому рассмотрению и фактическому отходу от некоторых положений этой концепции в статьях, публикуемых в отделе «Дискуссии и обсуждения».

Впрочем, автор реплики укоряет в «опасливости» и меня как заместителя главного редактора, и «журнал в целом» [Чистов 2004: 357]. Считаю неуместным отвечать на упреки в мой адрес, хотя известно, что я охотно участвовал во всевозможных дискуссиях, организовывал их и открыто выступал за творческое развитие марксистской теории, что требовало определенной смелости в те мрачные десятилетия [см., например: Тумаркин 1954, 1970; Токарев 1995: 251; Решетов 2000: 7; Семенов 2003: 168; Попов 2004: 465–466]. Но хочу отвергнуть упрек в «опасливости», адресованный «журналу в целом», т.е. его руководству и редколлегии. Достаточно напомнить о дискуссиях по кардинальным проблемам этнографии и смежных наук, которые развернулись в 1960–1970-х гг. на страницах журнала. «Свободное обсуждение в ходе дискуссий даже самых идеологически „нагруженных“ вопросов, — вспоминает в связи с этим С.И. Вайнштейн, — способствовало постепенному переходу от преобладания окаменевших схем к творческой разработке теоретических проблем, что было необычно, пожалуй, даже уникально в годы брежневского „застоя“» [Вайнштейн 2004: 619]. А Ю.И. Семенов так определил значение дискуссий, проводившихся журналом: «В советской историологии первобытности с 1960-х годов началось фактическое утверждение плюрализма» [Семенов 2001: 11]. Поэтому едва ли точен автор реплики, считающий, что «стремления к пересмотру догматики и стереотипов, расхожих парадигм 1930–1950-х гг.» осуществились «как раз в 1980–1990-е годы и в последующее время» [Чистов 2004: 357]. Полагаю, будущие историки нашей науки отметят, что указанные процессы, пусть робко и непоследовательно, начались раньше, в 1960–1970-е гг.

На мой взгляд, вряд ли корректно, облачившись в белые одежды, укорять сегодня старых коллег по журналу. К.В. Чистов, по-видимому, забыл, в каких условиях приходилось выпускать центральные журналы гуманитарного профиля. «Суть в том, — вспоминает академик Ю.А. Поляков, главный редактор журнала «История СССР» в 1966–1969 гг., — что сложилась практика регулярного припугивания гуманитариев — пусть ученые, писатели, журналисты, актеры и прочие композиторы не забывают, что идеологическая борьба в мире продолжается, а они — работники идеологического фронта, что в идущей борьбе необходима строжайшая дисциплина и потому малейшая вольность, беспечность недопустимы, а лица и печатные органы, позволяющие себе расслабиться, будут незамедлительно призваны к порядку. Для поддержания порядка проводились широкомасштабные кам-

пани с шумной оркестровкой в прессе, с проработкой на собраниях, с серьезными оргвыводами <...> Но не меньшее значение имели „тихие“ проработки, получавшие относительно слабое освещение в прессе, но имевшие существенный резонанс в кругах больших, малых и средних начальников, проходившие по отлаженной цепочке сверху донизу» [Поляков 1999: 349–350].

Мелочная опека со стороны отдела науки ЦК КПСС дополнялась доносами, поступавшими в партийные органы от всякого рода «доброжелателей». О двух таких случаях, грозивших серьезными последствиями, рассказано в моей статье, привлечшей внимание К.В. Чистова [Тумаркин 2003: 214–215; 218]. Приведенные в ней примеры можно было бы продолжить. Чтобы не ставить под угрозу позитивные тенденции в развитии Института этнографии АН СССР и его печатного органа, обозначившиеся после того, как директором Института в 1966 г. стал Ю.В. Бромлей, руководству журнала приходилось действовать осторожно и осмотрительно. В статье достаточно точно говорится, что тандем Петрова-Аверкиева — Тумаркин обеспечивал «умеренно прогрессивный курс журнала — максимум того, что было возможно в „застойные“ брежневские годы» [Тумаркин 2003: 213].

Моя статья имеет в значительной мере мемуарный характер. Не случайно ее более ранний вариант [Тумаркин 2001] был снабжен подзаголовком: «из воспоминаний заместителя главного редактора журнала в 1966–1980 гг.». Допускаю, что в статье порой проскальзывает налет субъективности, характерный для публикаций такого жанра, хотя я стремился к точному изложению фактов¹. Но трудно согласиться с мнением автора реплики, что «оценка общего состояния журнала и деятельности его руководителей <...> несомненно, идеализирована» [Чистов 2004: 356]. Кирилл Васильевич, по-видимому, не заметил очень важный абзац статьи: «Разумеется, журнал вынужден был следовать „правилам игры“, принятым тогда в нашей стране. Регулярно публиковались передовые статьи об „актуальных задачах советских этнографов“, приуроченные к предстоящим или прошедшим партийным съездам, пленумам ЦК КПСС и т.д., исправно учитывались и развивались положения, выдвинутые на партийных форумах. Помимо официальной цензуры существовала самоцензура, которая проявлялась в том, что многие авторы приносили в журнал статьи, ни в чем не отступающие от официальных идеологических стереотипов, приукрашивавшие советскую действительность» [Тумаркин 2004: 217]. Кажется, я скорее не скажешь.

Большинство современных российских этнографов (социальных/культурных антропологов), особенно те, кто занимается конкретными исследованиями, с уважением относятся к трудам своих предшественников, хотя и не закрывают глаза на негативные последствия репрессий, политизации и жесткого огосударствления науки, в пол-

¹ Среди достижений журнала в 1964–1980 гг., наряду с проведением упомянутых дискуссий, я особо отметил создание научно-популярного отдела «Поиски, факты, гипотезы». Многие статьи, помещенные в этом отделе, были затем воспроизведены в двух сборниках, быстро раскупленных несмотря на значительные тиражи [Этнографы рассказывают 1978; Глазами этнографов 1982].

ной мере проявившихся в сфере этнографии начиная с 1930-х гг. Чтобы отделить полезные злаки от плевел в научном наследии советской эпохи, необходимы историографические исследования, основанные на объективном освещении предмета, опирающиеся на документы и достоверные факты. За последние годы опубликованы четыре больших коллективных труда [Репрессированные этнографы 1999, 2003. Вып. 1, 2; Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология 2003; Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века 2004] и множество статей, в которых рассматривается творчество коллег, живших и работавших в минувшую эпоху, и его отражение на страницах журнала «Советская этнография». Что же касается легковесных выступлений в печати, содержащих сомнительные суждения и явные фактические неточности, то они наносят ущерб плодотворной разработке этой важной проблематики.

Библиография

- Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990 годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М., 2003.
- Бромлей Ю.В., Чистов К.В.* Ордена Дружбы народов Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР — 50 лет // Советская этнография (далее — СЭ). 1983. № 4. С. 20–37.
- Вайнштейн С.И.* Юлиан Владимирович Бромлей: человек, гражданин, ученый // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 608–627.
- Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Сост. Д.Д. Тумаркин. Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М., 2004.
- Глазами этнографов / Сост. Д.Д. Тумаркин. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1982.
- Нитобург Э.Л.* Ю.П. Аверкиева: ученый и человек // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2. С. 399–428.
- Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999.
- Попов В.А.* Дмитрий Алексеевич Ольдерогге: шеф отечественной африканистики // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 450–474.
- Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 1999. Вып. 1.; 2003. Вып. 2.
- Решетов А.М.* Вместо предисловия // Бутинов Н.А. Народы Папуа Новой Гвинеи. СПб., 2000. С. 3–13.
- Семенов Ю.И.* Разработка проблем истории первобытного общества в Институте этнографии АН СССР в «эпоху» Бромлея (Воспоминания и размышления) // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 2001. № 6. С. 3–20.
- Семенов Ю.И.* О моем «пути в первобытность» // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. С. 164–211.
- Токарев С.А.* Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред.-сост. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М., 1995. С. 159–304.
- Тумаркин Д.Д.* К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX века // СЭ. 1954. № 4. С. 106–116.
- Тумаркин Д.Д.* К вопросу о сущности рода // СЭ. 1970. № 5. С. 93–101.
- Тумаркин Д.Д.* Четырнадцать лет в «Советской этнографии» (из воспоминаний заместителя главного редактора журнала в 1966–1980 гг.) // ЭО. 2001. № 4. С. 20–26.

- Тумаркин Д.Д.* Ю.В. Бромлей и журнал «Советская этнография» // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. С. 212–228.
- Чистов К.Ю.* Из истории советской этнографии 30–80-х гг. XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР // СЭ. 1983. № 3. С. 3–18.
- Чистов К.Ю.* В.И. Ленин и проблема периодизации истории русского фольклора // СЭ. 1986. № 3. С. 13–24.
- Чистов К.Ю.* Реплика к статье Д.Д. Тумаркина «Ю.В. Бромлей и <журнал> „Советская этнография“» // Антропологический форум. № 1. СПб., 2004. С. 356–357.
- Этнографы рассказывают / Сост. Д.Д. Тумаркин. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1978.

Даниил Тумаркин
доктор исторических наук
заслуженный деятель науки РФ,
Институт этнологии и антропологии РАН